

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

**Рой, Олег.**

Р65 Капкан супружеской свободы : [роман] / Олег Рой. — Москва :  
Издательство «Э», 2017. — 352 с.— (Капризы и странности судь-  
бы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-94767-6

Казалось, судьба подслушала мечту талантливого режиссера Алексея Соколовско-  
го – и осуществила. Но так, как меньше всего на свете он хотел бы. Чувство неизбывной  
вины поселилось в его душе. Свои разочарования, болезнь, одиночество Алексей считал  
самыми легкими наказаниями за роковые события. Старинная кожаная папка, которая до-  
сталась ему от предков, найденная в ящике письменного стола, неожиданно подкинула  
Алексею шанс. Шанс изменить свой жребий...

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94767-6

© Резепкин О., 2017  
© Оформление.  
000 «Издательство «Э», 2017

*Памяти моего сына Женечки посвящается.*

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства: «Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя. По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном — о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. МАРИНИНА



## ■ ЧАСТЬ I

### Пролог

*В снеге, падавшем сверху, чувствовалась злая и враждебная воля, он придавливал человека к земле свинцовой тяжестью, больно ранил лицо ледяными иглами, и от холода, молчания, запредельной тоски, от снежного безмолвия, расстилавшегося кругом насколько хватало глаз, сердце ухало и сжималось, будто тронутое чьей-то безжалостной рукой. Человек сделал шаг вперед, провалился в неглубокий, но отчаянно ломкий, хрусткий сугроб и обвел воспаленным от усталости взглядом окружающее пространство.*

*Он был здесь один, и, кажется, один на всей земле. Тяжелые снеговые шапки на деревьях выглядели как онемевшие причудливые оскалы звериных морд. Кустарники обледенели и скорчились; они гнулись под неумолимой тяжестью снегопада, сливаясь в один общий фон — мертвенно-белый, унылый, безрадостный... От напряженной тишины звенело в ушах, и казалось, будто довольно одного только звука — шепота, вдоха, хриплого карканья пролетающей мимо вороны, — чтобы весь этот заснеженный мир рухнул, погребая под собой и застывшие деревья, и мерзлые комья земли на дороге, и его самого.*

*Он тряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение; он опять и опять прижимал руку к гулко бьющемуся сердцу, убеждая себя в том, что все это только сон и вот сейчас, через секунду, через*



## ОЛЕГ РОЙ

*мгновение он избавится от постылого кошмара и судьба вновь повернется к нему своим прекрасным ликом, станет предсказуемой и понятной, как в былые времена. Но минуты текли, а кошмар не рассеивался, и мороз становился все безжалостней и крепче, и жизнь его билась и рвалась на ветру, точно иллюзия, подвешенная на тонкой нитке большого сознания.*

*— Довольно! — громко сказал он вслух сам себе и остался разочарован тем, как нетвердо прозвучал его голос. Глотнув холодного воздуха, на мгновение застыв от тоски по своей всегдашней веселой решимости, которая никак не хотела возвращаться к нему сейчас, он снова шагнул вперед, но эхо откликнулось ему насмешливым арлекином: «Довольна-а-а!..» — И, вздрогнув, он наконец узнал это место.*

*Он уже бывал здесь прежде. Конечно, бывал: в памяти яркими всполохами мелькнули картины, давно, казалось, забытые им, но в этот миг живые и рельефные, словно обстановка знакомой студии или кулисы родной сцены. Неровная дорога... низенькие заснеженные холмики, памятники, оградки... деревья, припорошенные снегом... и скамейка, на которую он тяжело опускался каждый раз в конце своего пути, — а, вот оно!*

*Человек вздрогнул и обернулся, испуганно ища глазами то, что в прошлый раз — он помнил это так же отчетливо, как собственное имя, — довело его едва ли не до обморока. Старое кладбище, молчаливое и заснеженное, скорбно раскрылось перед ним, маня призрачным, кажущимся спокойствием, и он побрел туда, позабыв о своей недавней решимости, не понимая, как оказался здесь, и боясь увидеть не то, что уже не оставит ему никакой надежды.*



*Он увидел это сразу, как только повернул за широкую ограду, уже виденную им не раз и не два. Да, это здесь. Должно быть здесь... И в этот момент ожидаемая картина предстала перед глазами, точно он сам создал ее всей силой своего испуганного ожидания и большого воображения. Тупо глядя на две черные разверстые ямы, так цинично и зло нарушавшие ровную белизну кладбищенского фона, он машинально приложил руку к сердцу и ощутил привычную ноющую боль. Он не хотел знать, что случится дальше, но какое-то второе «я», гаденько усмехаясь внутри его сознания, отрывисто шептало ему: «Ну же, не трусь... Подними глаза. Ты же знаешь, что это необходимо; знаешь, что должен увидеть это... тебе никуда не деться. Ну!»*

*«Н-н-ну-у-у!..» — гаркнул, завывая, ветер прямо в самые его уши, и, дернувшись от невыносимой сердечной боли, не осмеливаясь послушаться, он поднял глаза вверх от свежевырытых могил. Два деревянных креста, еще не установленных, но уже заботливо приготовленных кем-то и прислоненных к той самой соседней ограде, смотрели прямо на него. И удивляясь четкости и выпуклости своего зрения, он одновременно удивлялся тому, что никак не может, не смеет разобрать то, что написано на табличках, прибитых к крестам. Отчаянно напрягая взгляд, он снова и снова пытался прочесть надписи, и снова и снова испытывал поражение.*

*Он тяжело опустился на скамью, стоящую рядом, — так уже было, было когда-то, нашептывала ему память, — и уставился на кресты невидящим взором. Снег снова повалил тяжелыми, грузными хлопьями, бился в лицо, залеплял глаза, но так пусто и холодно было у него внутри, таким морозом сковал страх его сердце, что*



## ОЛЕГ РОЙ

*он уже не чувствовал внешнего холода и не отвлекался больше на ненужные мысли о том, как он попал на старое кладбище, кого искал здесь и почему заранее знал о распахнутых черных глазницах могил.*

*Чей-то взгляд уперся ему в затылок, и он вспомнил: это тоже уже было. Казалось, к спине приставили гладкое, холодное пистолетное дуло; чужое внимание сверлило спину, покрывало тело колкими мурашками, и надо было наконец обернуться, закричать, сбросить с себя кошмарное оцепенение, но у него не было сил. И еще не было смелости. Стыдно было признаваться в этом даже себе самому, но отвести глаза от той точки, на которой они застыли, сейчас казалось ему равносильным самоубийству. Липкое чувство ужаса, животный инстинкт самосохранения заставляли его теперь замереть, слиться с окружающим снежным фоном — лишь бы не увидеть нечто еще более страшное...*

*Он резко дернулся, почувствовал прилив отвращения к самому себе и на миг закрыл глаза. «Я все равно не успею обернуться, — монотонно проговорил он вслух. Ветер снова грянул у него в ушах, но на сей раз в этой мрачной симфонии ему не удалось разобрать ни одного членораздельного звука. — Такое тоже уже было, было, я помню. Все кончится, как только я сумею пошевелиться. Но разве я не хочу, чтобы все это кончилось?»*

*И, призвав на помощь самолюбие и все лучшее, что в нем было, собрав все душевные силы, обрушив их, как огромный кулак, на собственную апатию и оцепенение, на малодушие и леность, сжигавшие его изнутри, он рванулся всем корпусом, обернулся назад и успел зацепиться глазами за незнакомое лицо, за разбегающиеся мелкой вязью морщины и тусклые старческие глаза, глядящие на*



*него с непонятным, невнятным упреком. Он вскрикнул, захлебнулся, закашлялся от хлынувшего в горло колкого снега, уцепился зубами за ледяной воздух — и все действительно кончилось.*

## Глава 1

Алексей проснулся, как всегда, мгновенно. Потянулся гибко и упруго, сбросил с себя махровую простыню, вскользь удивился тому, что сердце почему-то колотится нервно и ускоренно, словно после неожиданной пробежки, — и тут же вспомнил. Рывком сел на кровати, потянулся за сигаретой и, забыв зажечь ее, так и остался сидеть, уставившись глазами в одну точку.

Сколько же времени он уже живет с этим кошмаром? Три года? Пять?.. Он не смог бы, пожалуй, точно определить этот промежуток времени — порой вообще казалось, что кладбищенский сон снился ему всегда, чуть ли не с самой юности, — но математические расчеты были здесь не так уж и важны. Важным было то, что каждый раз после морозного, сковывающего его изнутри смертельным холодом сна Алексей просыпался с ощущением дисгармонии и неправильности собственной судьбы, с чувством, будто чего-то не понимает, не знает, не делает или делает неправильно... Легкий привкус презрения к самому себе, постыдное воспоминание о том безумном страхе, который он каждый раз испытывал на ирреальном, запорошенном снегом кладбище, приводили его в исступление, когда он думал об этом. А не думать было нельзя. Так же как и простить себе, что он





## ОЛЕГ РОЙ

никак не решается во сне обернуться, ощущая за спиной дыхание неведомого, непонятного наблюдателя...

Ну, сегодня он обернулся. И что? Единственное, что он мог припомнить теперь, — это ощущение древности, оставшееся от незнакомого старческого лица, резные морщины и упорный взгляд, в котором не было, пожалуй, ничего угрожающего, но были напряженное ожидание и немой вопрос... Тайна осталась тайной, а кошмар по-прежнему оставался кошмаром. Алексей сам не заметил, как накрепко стиснул зубами машинально сунутую им в рот и так и не зажженную сигарету — стиснул так, что у него свело скулы. Неужели же это никогда не кончится? И что, черт возьми, этот сон все-таки может значить — предчувствие? Предзнаменование? Просто разгулявшиеся нервы?..

Тихие шаги на ковре остались им не услышаны — так глубоко погрузился он в собственные мысли. И только когда мягкие теплые ладони закрыли сзади его глаза, легкий завиток коснулся его щеки и знакомый голос негромко произнес: «Проснулся, соня?» — только тогда Алексей сумел сбросить свое оцепенение и улыбнуться наклонившейся над ним женщине.

— Ты давно встала? — спросил он привычно и ласково, как всегда после этого странного сна замечая в себе какую-то щемящую, чуть испуганную, чуть виноватую нежность к жене.

— Давно, — усмехнулась Ксения. — Ты же знаешь: сегодня последний день, масса дел, суеты, сборов, звонков... К тому же последняя наша совместная суббота перед разлукой, так что хотелось побаловать вас с Таткой всякими кулинарными изысками. Да ты, наверное, уже и сам чувствуешь? — И она многозна-



чительно кивнула в сторону кухни, откуда в распахнутую дверь спальни уже действительно струились умопомрачительные запахи свежемолотого кофе, ванили и корицы, горячего теста и домашних пирогов.

На секунду Алексею стало весело. Страх и напряжение разом слетели с него, как ненужная, случайная шелуха мимолетного впечатления. Он потянулся было к жене, которая смотрела на него широко расставленными, серыми, любящими глазами, чуть улыбаясь одними кончиками губ, — и тут же нахмурился. Последний день перед разлукой, сказала она. Ну да, действительно. Как же он ненавидит эти их совместные поездки с дочерью!.. Мало того, что она сама, взрослая сорокалетняя женщина, совсем потеряла голову из-за своего экзотического увлечения, так еще и Наталью в это втянула! Однако вот снова едут — и что тут поделаешь?..

Ксения, насмешливо наблюдая за сменой чувств на подвижном, так хорошо знакомом лице мужа, сумела уловить тот момент, когда его недовольство, казалось, уже готово было выплеснуться в слова, и ласково прижалась к человеку, с которым прожила достаточно долго, чтобы научиться управлять его эмоциями или удерживать его от необдуманных резкостей. Вероятно, Алексею — преуспевающему режиссеру, твердому и решительному человеку, настоящему мужику, каким она всегда его считала, — показалась бы нелепой сама мысль, что кто-то может чем-то управлять в его судьбе или от чего-то его удерживать, но жены — о, жены всегда знают такие вещи лучше своих мужей!

— Ну что ты, Лешик, — примирительно шепнула она. — Пора бы уже привыкнуть. Ты же знаешь, это наша жизнь...



## ОЛЕГ РОЙ

— Ваша жизнь, — передразнил Алексей, высвобождаясь из ее объятий. — А моя жизнь во время вашего отсутствия опять превратится в сплошной комок нервов. И я говорил тебе сто раз...

— А я тебе сто раз отвечала: это не обсуждается, — решительно, не дав ему договорить, прервала жена так и не начавшийся монолог. — Давай не будем больше об этом. Лучше пойдем-ка к пончикам — сегодня те самые, твои любимые!

Глядя на маленькую решительную женщину, которая стояла напротив него с таким видом, будто готовилась к бою, Алексей почувствовал, как его досада улетучивается, а беспокойство и желание поставить на своем уступают место той гордости, которую он всегда испытывал за жену. Да, сударь, подумал он, это вам не актрисульками командовать! Ксения Георгиевна Соколовская за себя постоять сумеет...

И от нежности и тепла, нахлынувших на него, точно по какому-то злобному контрасту он вдруг вновь ощутил морозную оторопь души, ледяную руку, сжавшую его сердце, и чужой суровый взгляд, сверлящий затылок. Точно погребальный колокол прозвенел в его душе, и перед глазами вновь развернулась картина заснеженного кладбища, мелькнули раскрытые зияющие черные ямы и деревянные кресты с непонятными, недоступными ему надписями... Не в силах справиться с нахлынувшей на него тупой душевной болью, он крепко зажмурил глаза и негромко застонал, желая сейчас лишь одного: снова проснуться и понять, что ничего этого не было — никаких снов, никаких тревог, никакого страха...

— Леша, что с тобой? — Встревоженный голос жены доходил до него словно откуда-то издалека, гулко и призрачно, и он, не-



мыслимым усилием воли заставив себя вернуться в реальность, поднял ресницы, коротко взглянул на Ксению и прижал ее к себе так крепко, как не делал уже давно.

— Ничего, — коротко пробормотал он. — Немного сердце прихватило. Сейчас пройдет.

Виновато наблюдая потом за тем, как заторопилась жена за сердечными каплями — в общем-то, Соколовские были вполне здоровой и спортивной четой, но на всякий случай джентльменский набор лекарств все же хранился в одном из низеньких удобных шкафчиков их спальни, — Алексей привычно спрашивал себя, зачем ему нужно это вранье и почему он не может просто поделиться с Ксенией своим давним кошмаром. Он давно хотел сделать это, но каждый раз непонятная суеверная мысль останавливала его; ему казалось, что достаточно проговорить все это вслух, облечь тайные видения его ночей в живые, настоящие слова, — и снежный кошмар станет реальностью, а он, Алексей Соколовский, смутивший покой близких своими постыдными страхами, не сможет удержать их рядом с собой и навсегда останется одинок.

— Спасибо, — проговорил он, принимая из рук жены крохотный хрустальный стаканчик с лекарством. — Уже прошло.

И, вскинув на нее совсем несвойственный ему, неуверенный и чуть затравленный взгляд, спросил:

— Ксюш, а может, в этот раз все же отложите, а?..

Ксения нервно передернула плечами, как будто ее охватил неожиданный озноб, и отвернулась к широкому окну спальни. Она смотрела на роскошные, бледно-зеленые шторы из тяжелого шелка, затканые едва заметным золотистым рисунком, но видела перед